

«У Кати попа лучше всех в Европе». Алая надпись нахально пламенеет на колонне эстакады над корсо Франча.

Торчащий рядом давно подбитый орел наверняка знал, кто это сделал, но сказать не мог.

А чуть ниже, словно орленок, укрытый хищными когтями мрамора, сидел он.

Короткие, почти ежиком, волосы, высокий воротник, как у морского пехотинца, темная куртка *Levi's*.

Воротник поднят, сигарета в зубах, очки *Ray-Ban*. Вид суровый, хоть и нет в этом нужды. Улыбка у него чудная, но мало кому удавалось ее увидеть.

Несколько машин внизу, под эстакадой, притормаживают перед светофором. Выстроились в ряд, как на соревновании, хотя все такие разные. Двухсотый, *New Beattle*, *Micra*, американская машина (не разберешь, какая), старый *Fiat Punto*.

В двухсотом *Mercedes* худенький палец с обгрызенным ногтем нажимает на кнопку. Из

колонок *Pioneer* выплескивается голос какого-то рок-певца.

Машина вновь вливается в поток. Вот бы знать, «*Where is the love...*». И вправду ли любовь существует? Сейчас ей хотелось только одного: чтобы сестра на заднем сиденье перестала беспрестанно причитать: «*Поставь мне Ромазотти, я хочу Ромазотти*».

Mercedes промчался мимо, как раз когда докуренная сигарета упала на землю, отброшенная точным щелчком и порывом ветра. Он спускается по мраморным ступеням, одергивает джинсы и вскакивает в седло синей *Honda VF 750 Custom*. Как по волшебству вклинивается между машин. Правая нога, обутая в *Adidas*, переключает скорости, запускает мотор, и он как на волне влетает в общий поток.

Восходит солнце, чудесное утро. Она едет в школу, а он не ложился с прошлой ночи. День как день. Но на светофоре они останавливаются бок о бок. И день уже не будет похож на другие.

Красный.

Он смотрит на нее. Стекло опущено. Прядь светлых, пепельного оттенка волос приоткрывает нежную шею. Легкий, но решительный профиль, голубые глаза, взгляд ясный и ласковый, веки полуопущены, она наслаждается песней. Эта безмятежность поражает его.

— Эй!

Она удивленно поворачивается к нему. Он улыбается, остановив мотоцикл рядом, у него широкие плечи и чересчур загорелые для середины апреля руки.

— Хочешь прогуляться со мной?
— Нет, я еду в школу.
— Ну так не ездь, пропусти. Я тебя заберу у школы.

— Извини, — она улыбается натянуто и фальшиво. — Я не так выразилась. Я не хочу с тобой встречаться.

— Со мной весело.

— Сомневаюсь.

— Тебе ни о чем не надо будет беспокоиться.

— А я и не беспокоюсь.

— А в этом уже я сомневаюсь.

Зеленый.

Mercedes срывается с места, и его самоуверенная улыбка гаснет. Отец поворачивается к ней:

— Кто это? Твой знакомый?

— Нет, папа, кретин какой-то.

Через несколько секунд *Honda* снова рядом. Он облокачивается на стекло, правая рука легко касается газа, как будто он еще заботится о безопасности.

Беспокоится только отец.

— Что это за негодяй? Почему он подъехал так близко?

— Папа, успокойся, я сама с ним разберусь.

Она решительно оборачивается к парню.

— Слушай, тебе что, делать больше нечего?

— Нечего.

— Ну так найди чем заняться.

— Я уже нашел.

— И что же?

— Прогуляться с тобой. Я тебя привезу к «Олимпиаке», на мотоцикле мы быстро добе-

ремся, потом позавтракаем, а потом я тебя доставлю в школу к концу занятий. Обещаю.

— Не верится что-то в твои обещания.

— Ну же, — улыбается он, — ты уже столько обо мне знаешь, скажи правду, я ведь тебе понравился, да?

Она смеется и качает головой.

— Ну все, хватит, — и открывает учебник, извлеченный из кожаной сумки *Nike* — я займусь тем, что меня и вправду беспокоит.

— Чем же?

— Экзаменом по латыни.

— А я думал, сексом.

Она устало отворачивается. Теперь она не улыбается даже притворно.

— Убери руку со стекла.

— А куда мне ее положить?

Она нажимает кнопку стеклоподъемника.

— Я бы тебе сказала, да не могу при отце.

Стекло поднимается. Он ждет и отдергивает руку в последний момент.

— Еще увидимся.

Он уже не слышит ее сухого «Нет». Легко крепит мотоцикл вправо. Закладывает вираж, набирает скорость и быстро исчезает среди машин. *Mercedes* спокойно продолжает свой путь к школе.

— Да ты знаешь, кто он? — Голова сестры просовывается между сиденьями. — Его называют супер-парень.

— А по-моему, просто идиот.

Она открывает учебник по латыни и повторяет *ablativus absolutus*. Вдруг прерывается и смотрит вдаль. А о чем же она больше всего беспо-

коится? Уж во всяком случае, не о том, о чем говорил этот тип. И все равно они больше не увидятся. Она решительно принимается повторять дальше. Машина сворачивает налево, к школе Фальконьери.

«Мне не о чем беспокоиться, и я его больше не увижу».

Она не знает, как ошибается. В обоих случаях.

2

Бледная луна светит сквозь верхушку дерева.

Отдаленный шум. Из какого-то окна доносятся звуки медленной, приятной музыки. Ниже — белая разметка теннисного корта сияет в бледном лунном свете, дно пустого бассейна печально ждет лета. На первом этаже дома светловолосая невысокая девушка с лазурными глазами и бархатной кожей с сомнением разглядывает себя в зеркале.

— Тебе нужна черная майка-стрейч от *Отух*?

— Не знаю.

— А синие брюки?

— Не знаю.

— Ты слаксы надевать будешь?

Даниела стоит в дверях, смотрит на Баби, на раскрытые ящики, разбросанную повсюду одежду.

— Тогда я возьму...

Даниела подходит, переступая через разноцветные *Superga*, разбросанные по полу, все тридцать седьмого размера.

— Нет! Не возьмешь, потому что я хотела!

— Я все равно возьму.

Баби резко поднимается, уперев руки в боки:

— Извини, но я даже не надевала...

— Могла и раньше надеть!

— Ага, а ты мне все растянешь?

Даниела насмешливо глядит на сестру.

— Чего? Шутишь? Да ты сама надела мою синюю юбку, и теперь я в ней болтаюсь, как карандаш в стакане.

— Ну и что? Ее растянул Малыш Бранделли.

— Чего? Тебя лапал Малыш, и ты мне ничего не сказала?

— Да нечего там рассказывать...

— Есть чего, судя по юбке.

— Видимость одна. Скажи лучше, как смотрится синяя куртка с рубашкой цвета лосося?

— Не увиливай. Расскажи, как все было.

— Да ты знаешь, как обычно.

— Нет, не знаю.

Баби смотрит на младшую сестру. А ведь и правда не знает. Да и не может знать. Слишком она пухленькая, нет в ней ничего особенного, никому и в голову не придет лезть ей под юбку.

— Ничего особенного. Помнишь, вчера я сказала маме, что пойду заниматься к Паллине?

— Так, и что дальше?

— Так вот я пошла в кино с Малышом Бранделли.

— Ну и?

— Фильм оказался так себе, да и парень, если приглядеться, тоже.